

МОЛОДОСТЬ МОЯ — НЕФТЯНЫЕ КАМНИ

Хорошо, что в Израиле есть море! Здесь, правда, их целых четыре: Средиземное, Красное, Мертвое и Кинерет или, по-старинному, Тибериадское. Но манит меня более всех Средиземное, воспетое в тысячах легенд и преданий населяющими его берега народами. Часами могу стоять на тель-авивской набережной, вдыхая соленый ветер странствий, глядя на светло-зеленые бегущие тяжелой чередой валы. Валы до самого горизонта, и ничего, кроме пенных валов, свежего ветра, песка и солнца.

Иногда проплывает корабль — чаще всего нефтеналивной танкер. Идет под разгрузку к причалу — и снова в море. Нефть Израилю нужна, хотя и найдены несколько лет назад и уже разрабатываются крупные газовые месторождения. Но газ это газ, а нефть это нефть, и я помню ее совсем особенный запах, когда спускаешься по трапу самолета в аэропорту Бина и понимаешь: вернулся домой... Мой дом теперь совсем далеко, но не забыть мне этот запах, этот очень похожий на Тель-Авив шумный приморский город Баку. И здесь и там темпераментные смуглые люди готовы вас, совсем незнакомого, и проводить, если вы заблудились, и пригласить домой, если голодны, и оказать любую требующуюся помощь. Словом, вы поняли: моя тяга к морю — это тоска по Баку. А что с тель-авивского берега не видны морские буровые установки, — так и с бакинского ведь тоже не видны далекие и столь родные и близкие мне Нефтяные Камни.

Странное название, да? Но в Баку оно никого не удивляет, здесь все связано с нефтью, и есть даже газета «Вышка», название которой связано не с высшей мерой наказания — упаси Боже, — а с мирно добываемыми нефть нефтяными вышками. Целые леса таких вышек населяют Абшеронский полуостров.

А если распрошариться с Абшероном и ступить на корабль или подняться на борт вертолета, то через пять часов плавания или полчаса полета вам откроется дивное зрелище: длинные металлические улицы-эстакады, мчатся куда-то машины, стоят дома на журавлиных ногах свай. Это и есть Нефтяные Камни — город на воде, где впервые в стране была начата добыча морской нефти, лежащей глубоко-глубоко под дном Каспийского моря.

Абшерон — это большой полуостров, на котором стоит Баку. Остров Артема — это прильнувший к нему островок с поселком, в котором живут рыбаки и нефтяники, а когда-то жили только рыбаки. Море кормило щедро: знаменитый каспийский осетр, белуга, севрюга... Помню город моего детства: по густонаселенным бакинским дворам ходили бородастые дяди и вкусно выпевали: «риба, риба, икра, икра». Выбегали деловитые хозяйки, спрашивали: почему? Хотя могли бы и не спрашивать, и так знали: дешево. Черная икра в пергаментной бумаге была расфасована по двести пятьдесят граммов, свежесоленная рыба-балык — по полкило. С мелочью типа сто-сто пятьдесят граммов не возились.

Вот и артемовские рыбаки кормили людей, получали деньги, кормились сами. Заплывали далеко, но знали: только не к Черным Камням. Было такое, километрах в сорока от берега, гиблое место: торчали из воды скалы, облепленные нефтью, кричали присевшие отдохнуть, но навсегда прилепившиеся к камню умирающие чайки, плавала в черной маслянистой воде брюшком кверху рыба.

Нефть лежала на поверхности: бери, сколько сможешь! Но технологии того тяжело послевоенного времени как и не позволяли «мочь». Что-то вроде локтя, который и близок, да не укусишь. Нефтяники — народ особый. Много в Баку рабочих на машиностроительных, химических, нефтеперерабатывающих и других предприятиях. Все они пользуются заслуженным уважением. Но только люди нескольких профессий ежедневно смотрят в лицо опасности, знают, что рискуют жизнью. Среди них — нефтяники, соль земли абшеронской. Их потом пропитана почва нефтепромыслов, они создают стране богатство, которое так и называется: черное золото.

Мне случилось быть на Нефтяных Камнях во время сильнейшего землетрясения. Представьте: крохотный насыпной островок, на нем тесно прилепились друг к другу девятиэтажное и несколько пятиэтажных зданий. В центре островка небольшая площадь, на которую сбегались все. Вокруг — бушующее море, ночь, земля гудит и как-то страшно ухаает. С ужасом смотрят люди на изгибающуюся волнами девятиэтажку: если не выдержит — всем конец, бежать некуда. Когда все кончилось, мне захотелось встать на колени и помолиться на морских строителей зданий и эстакад: если бы они «пустили налево» — а ведь на берегу

столько дач! — хоть ложку бетона... Можно не гадать, что было бы: после этого было спитакское землетрясение, и выстояли чуть ли не дореволюционные старые дома, а новые — все! — погреблись под собой своих обитателей, потому что вместо бетона там был песок. Кстати, после этого страшного землетрясения на Нефтяных Камнях ни один человек не пришел с просьбой об увольнении. Мне рассказывал управляющий Нефтяными Камнями, Герой Труда Бахман Абишевич Гаджиев, прекрасный человек и специалист, большой энтузиаст Нефтяных Камней:

— Был сильнейший шторм, я такого и не припомню. Совсем близко от основной эстакады стояло отдельное морское основание, там бурила скважину бригада Михаила Каверочкина. Мы видели, как шаталось под дикими ударами волн основание, где работали люди, но сделать ничего не могли. Рискую жизнью, добровольцы спустились с эстакад все имеющиеся в наличии катера, чтобы пробиться к бригаде, но волны разбивали их вдребезги. Всю жизнь буду помнить эти страшные минуты, когда наклонилась и упала вышка. Мы все время держали с ребятами радиосвязь, но тут и мы, и они поняли, что идут последние минуты жизни. Мы попрощались. Остался ревуший шторм, остались бешеные волны — отдельное морское основание исчезло. Михаил Каверочкин посмертно стал Героем, есть памятник, есть память... Людей вот только нет.

А вот это уже мои воспоминания. После пробуривания скважины ее «простреливают»: вскрывают нефтеносный пласт. Это очень опасная процедура, потому что нефть идет под большим давлением. И не дай Бог, чиркнет какая-то песчинка при этой страшной скорости — вот тебе и пожар. Тогда приходят на помощь «фонтанчики» — бестрашные люди, умеющие обуздывать нефтяные фонтаны. Так вот, вымолила я себе разрешение посмотреть тот нефтяной фонтан издали, с эстакады. Погода — полный штиль, солнышко светит. Иду по эстакаде, вижу далеко впереди черной нефтяной фонтан, красиво вписанный в синеву неба. И вдруг эстакада подо мной вздрогнула, пошла куда-то вбок, вернулась... Мне захотелось лечь на нее, вжаться всем телом — выжить! Превозмогая дикий страх, подошла к краю эстакады, взглянула... Бело-голубой катерок, привязанный к свае, танцевал на легких волнах и водил за собой эстакаду. Всю жизнь буду помнить этот неуправляемый страх. А потом мне уже нельзя было идти дальше, и меня обогнали ребята-«фонтанчики». Весело смеялись, шли они к фонтанирующей скважине, чтобы усмирить ее. Но меня, как ту эстакаду, тоже повело в сторону. А тогда, в конце сороковых годов прошлого века, проблему все-таки решили. К гиблым Черным Камням привели семь отслуживших свой век кораблей и затопили на мелководье. Перекинули мостики с корабля на корабль, наладили освещение, даже хлеб стали выпекать здесь же, на камбузе. Первый из затопленных кораблей назывался «Чванов», то же имя дали и всему искусственному островку. И наладилась

жизнь! Прямо со старых кораблей разбуривались первые скважины, началось строительство первых эстакад, на берег по трубопроводу потекла первая нефть. Черные Камни стали Нефтяными Камнями. На эстакадах построили первые двухэтажные дома, вместительный клуб, в который привозили фильмы на вертолете с острова Артема. На сваях стояла теплица с апельсинами и лимонными деревьями, которую обязательно показывали иностранцам, приезжающим взглянуть на этот чудо-город среди моря, — ох, и любят у нас удивлять иностранцев!

А городок тем временем расстраивался. На насыпном острове в центре уходящих все дальше эстакад (землю возили на барже с берега) встали пятиэтажные дома и даже девятиэтажка, столь мужественно отстоявшая, в буквальном смысле слова, ту страшную ночь. Открылось отделение нефтяного техникума и, наконец, появилась своя газета. Если вы возьмете в кавычки два слова «Нефтяные Камни», то как раз и получите ее название. А я, только что окончившая факультет журналистики Азербайджанского государственного университета пигалица, стала ее редактором. Газета была размером с носовой платок, зато имела двух редакторов: две полосы шли на азербайджанском, две — на русском. Мой коллега Эйнулла Умудов с утра усаживался с глубокомысленным видом за большой канцелярский стол:

— О чем писать будем?
Поедем по промыслам, — предлагала я.
— На чем? — удивлялся Эйнулла.
— Но у тебя такие связи с транспортниками, ты все время о них пишешь, — старалась подольститься я.

— Ты что, не понимаешь, что я не просто о них пишу, я их ругаю? Шофер получит задание выкинуть нас в море на первом же повороте!

Но меня, еще неоперившуюся журналистку, было не остановить. Я бежала к транспортникам, мчалась на разбитом грузовике на промысел, где должна была сегодня состояться перфорация скважины, брала десяток интервью одновременно, возвращалась с кучей материала, печатала до глубокой ночи, а потом, глядя на эту бумажную гору, спрашивала себя: ну, и куда ж я это все помещу? Газета не резиновая, а напахала я тут минимум месяца на три вперед...

Может быть потому, что это была моя молодость, я так часто и с такой любовью вспоминаю Нефтяные Камни. Со сколькими интереснейшими людьми я там познакомилась! Однажды, во время очередного нефтяного кризиса на Западе, звонит мне в редакцию главный на Нефтяных Камнях и самый уважаемый всеми человек — Бахман Абишевич Гаджиев:

— В Москву в командировку поедете?
— Конечно!
— Министр нефтяной промышленности товарищ Шашин на Центральном телевидении проводит «круглый стол» для журналистов, пишущих на нефтяные темы. Приглашают и вашу газету.

Ну, в Москве по тем временам я бывала довольно часто, но на Центральном телевидении не была никогда. Помню: зима. Глубокий снег. Мороз склеил ноздри, почти лишив возможности дышать. Хватаю такси, с наслаждением ныряю в его теплое нутро:

— Набережная Мориса Тореза, пожалуйста!
Длинные светлые коридоры, просторный кабинет с видом на Москва-реку. Референт министра поднимается мне навстречу:

— Вот вам пропуск на Центральное телевидение, вот направление в нашу ведомственную гостиницу. Прошу завтра в девять часов утра быть здесь, в министерстве. Товарищ Шашин приглашает вас поехать с ним.

Черная правительственная «Чайка» плавно катит по набережной. В «Чайке» — я(!), веду светский разговор с министром Союза ССР.

— Приходилось вам бывать в Баку?
— Да нет, все как-то не получалось.
— О-о, вы многое потеряли! Это такой город! — вдохновенно начала я.

Дорога до телецентра довольно долгая, и я уже успела добраться до Девичьей башни, мимо которой, любящая Каспием, плывут нефтяники в венецианских гондолах (а что такого, ведь и Нефтяные Камни называют каспийской Венецией!), когда меня остановил громовой хохот Шашина. Я окаменела.

— Не обижайтесь, не обижайтесь, милая девушка, но я-то ведь сураханский!

Потом нас, к большому смущению министра, гримировали. Потом был «круглый стол», увидев который, смутилась уже я. За столом сидели большей частью немолодые уже люди, перед ними — таблички: «Правда», «Известия», «Комсомольская

правда», «Труд». Мои «Нефтяные Камни» выглядели здесь чем-то вроде экзотической пальмы в кадке. Шашина я больше никогда не видела. Однако с легкой руки его референта попала в списки людей, которых постоянно приглашают на конференции, выездные сессии и прочие тусовки. Ох, и поехала я тогда по стране! До сих пор благодарна. Остались в памяти Жигули с растущими прямо у скважин роскошными кустами роз, Тюмень — нефтяная столица Сибири, леса западной Украины...

Помню дни литературы и искусства России в Азербайджане. На Нефтяные Камни пришел бело-снежный многопалубный паром с композиторами, писателями, известными актерами, лучшими певцами страны. На пароме шло такое многоярусное веселье, что народ даже и не заметил, что прибыл в пункт назначения. А все свободные от вахты нефтяники, горя нетерпением, заранее собрались на центральной площади свайного городка, гадая: кто приехал? Концерт был изумительный: пели Муслим Магомаев, Тамара Синявская, Иосиф Кобзон, Лев Лещенко... Здесь, на дощатом настиле эстакады, стоял вытасченный из клуба роляль, здесь состоялась премьера знаменитой по сей день песни «Журавли», читали стихи Расул Гамзатов, Владимир Кафаров, Сиявшу Мамедзаде.

На Нефтяные Камни часто приезжал поэт и переводчик Володя Кафаров, — ему здесь хорошо работалось. Оба мы писали стихи, оба обладали чувством юмора, любили приколы, и одно время выпускали в газете совместную колонку «Софизмы и кафаризмы». Вечерами, особенно зимними, когда гулять не пойдешь, а клуб надоед, в нашей маленькой редакции, ощутило вздрагивающей под ударами волн, заваривался крепчайший чай, вскрывалась припасенная к такому вот случаю пачка печенья. Сначала серьезно читали любимые нами стихи серьезных авторов, потом свои, потом начиналась импровизация «со смешинкой».

Приезжали художники: Тогул Нариманбеков, Саттар Бахлулзаде. Помню слезы на глазах Володи, когда мы узнали, что умер Саттар. Кафаров был в тот день на Нефтяных Камнях, и уже к вечеру принес в редакцию стихи:

*Был у меня Саттар Бахлулзаде.
Был у меня, в большом бакинском доме.
Был у меня — и нет его нигде.
В каком же он бездонном водоеме!
А я на Нефтяных Камнях. Дышу
Соленым ветром с нефтяным пригаром.
Пишу стихи. Да разве я пишу?!
Дышу нектаром, что разлит Саттаром.*

Ну, мы эти стихи сразу взяли и напечатали в газете. Приезжали на Нефтяные Камни «Парни из Баку» — городская команда КВН. В клубе было — яблоку не упасть. Особенно бурно реагировали, когда на сцену выплыла... карта Каспийского моря и запела:

*Я — седой и бурный Каспий,
Я пришел сказать вам: «Здрасьте!»
Вы меня не звали разве
На сегодняшний совет?
Я красив теперь без меры!
Помню, как до нашей зры
Был я тусклым, был я серым,
И безрадостно к тому ж.
А теперь переливаюсь,
Всеми красками играя,
И круги по мне гуляют
От цветных мазутных луж!
Современным поколениям
Стало море по колено.
В результате обмельненья -
Не поймешь, по чьей вине, -
Стал я суше, стал я уже,
На безрыбье я к тому же...
Старо будете на мне
Сквозить Горького «На дне»!*

С бакинцем и иерусалимцем Алексом Аграновским мы часто вспоминаем эти славные времена. Почему я не пишу: «бывшим бакинцем, а ныне...»? Да потому что бывшим бакинцем быть нельзя, это пожизненно. У Алекса, кстати, так называется книжка: «Родной Баку, родной Иерусалим»...

В родном Иерусалиме растет рожковое дерево, плоды его вкусны, а семечки знает, как называются? — Караты! Именно они и в древнем мире, и сегодня являются мерой веса драгоценных камней. На сколько же миллиардов карат тянет город молодости моей — Нефтяные Камни?

София ВАРЗАГЕР,
бывший редактор газеты «Нефтяные Камни»,
член израильского русскоязычного отделения
Союза писателей Азербайджана.